

ИМЕНОВАНИЯ-ПРОЗВИЩА ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Горлова Галина Николаевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: alexgalin@mail.ru.

В данной статье предпринята попытка с позиций стилистики и социокультурной прагматики рассмотреть использование онимов-прозвищ в художественном дискурсе на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Ключевые слова: художественная словесность, ономастика, литературное имя собственное, прозвища

NAME THE NICKNAMES OF CHARACTERS IN A LITERARY TEXT: SOCIO-CULTURAL AND STYLISTIC ASPECTS

Gorlova Galina N., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, Astrakhan, 20a Tatishev st., e-mail: alexgalin@mail.ru.

This article attempts to consider the use of onyms-nicknames in the artistic discourse on the material of the novel By L. N. Tolstoy «Anna Karenina» from the standpoint of style and socio-cultural pragmatics.

Keywords: art literature, onomastic, literary proper name, literary name of own, nicknames

Одним из активно реализуемых направлений в изучении ономастической лексики в художественном тексте является литературная ономастика. Объект данных исследований получил в науке название *литературный оним*. Методологической базой для развития этого направления филологических исследований послужили работы В.В. Виноградова, М.С. Альтмана, А.Л. Бема, П.М. Бицилли, Ю.А. Карпенко, Э.Б. Магазаника, В.Н. Михайлова, О.И. Фоняковой, К.Б. Зайцевой и других учёных.

Однако основным посылом для выбора данного предмета исследования явилось интересное высказывание Ю. Тынянова: «Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое оно способно» [6, с. 27].

Стилистика художественной прозы предполагает изучение самых разных ресурсов языка, используемых автором для создания эмоционально насыщенного, содержательно ёмкого и стилистически выразительного художественного дискурса. В числе этих языковых средств выделяют и ономастическую лексику. Как полагают современные исследователи, «в словесной палитре художественного произведения особое место занимают имена собственные» [7, с. 34].

В словесно-художественном произведении все имена собственные образуют ономастическое пространство текста, в центре которого находится антропонимическое поле, кроме него существуют и другие поля – поле топонимов, зоонимов и др. Прозвища рассматриваются как периферийная зона антропонимического поля художественного произведения. Интересный подход к анализу роли прозвищ в сравнении с именами в художественном тексте находим у М.М. Бахтина. «Сущность любого собственного имени», – считает Бахтин, – (человека, города, страны и т.д.) – благословение и хвала. Имя по сущности своей глубоко положительно... В противоположность имени прозвище тяготеет к бранному, к проклинающему полюсу языковой жизни. Подлинное прозвище (как и подлинное ругательство) амбивалентно, но преобладает в нем развенчивающий момент. Если именем зовут и призывают, то прозвищем скорее прогоняют, пуская его вслед, как ругательство» [1, с. 147].

Однако следует заметить, что и в реальной речевой практике, и в художественных произведениях прозвища не всегда и только негативны, подчас это способ выражения симпатии, чувства нежности, привязанности к объекту, наделяемому прозвищем, в любом случае, они всегда колоритны. Бахтин недаром уточняет, что прозвища амбивалентны. Вот почему прозвища, как и «говорящие» антропонимы, выполняют эмоционально-оценочную функцию. В отличие от фамилий они всегда экспрессивны, так как в художественном тексте, как и в реальной речевой практике, так или иначе характеризуют либо самого носителя прозвища, либо отношение к нему других людей.

Прозвища как элемент структурно-семантической организации художественного произведения – многогранное явление, позволяющее понять и оценить художественный мир автора, поскольку они актуализируют его отношение тем или иным персонажам. Попробуем выявить некоторые аспекты функционирования прозвищ в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Обстоятельнее всего к настоящему времени изучена ономастика, в особенности антропонимия, «Войны и мира», хотя и здесь ещё много неисследованного. Ономастическое пространство других произведений Л.Н. Толстого изучено менее подробно. И представляется совершенно удивительным тот факт, что в литературе мало внимания уделяется ономастикону романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». В статьях «О некоторых стилистических функциях личных имён в романе Л.Н. Толстого "Анна Каренина"» (2009) и «Ономастическая лексика как текстообразующая категория в произведениях художественной словесности» (2017) мы предпринимали попытку проанализировать именную и фамильную антропонимику этого романа. В данной же работе обратимся к таким ономастическим единицам, как прозвища.

Академик В.В. Виноградов, внёсший значительный вклад науку о языке художественной литературы, писал: «Вопрос о подборе имён, фамилий, **прозвищ** в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образцах, характеристических функциях и т.п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [2, с. 37–38].

Мы считаем возможным перечислить все 18 прозвищ, имеющих в тексте романа, а затем прокомментируем некоторые из них:

1. *Типу bear* (медвежонок, фр.) – детское прозвище *Кити Щербацкой*.
2. *Самоваром* называл А.А. Каренин графиню *Лидию*.
3. *Пьером* по его фамилии *Петрицкий* называла друга Вронского баронесса Шильтон.
4. Княгиня *Мягкая* прозвана *enfant terrible* (ужасный ребёнок, сорванец, фр.).
5. *Машиной, министерской машиной* неоднократно называют А.А. Каренина.
6. *Алёшей-дурачком* зовут старика-крестьянина *Константина Левина*.
7. Полкового командира *Дёмина* офицеры любовно называют *Грицком*.
8. *Сердитым помещиком* называет Левин соседа *Свияжского*.
9. *Глупой говядиной* называет Вронский *иностранного принца*.
10. *Самсоном* называет С.А. Облонский *Левина* за его физическую силу.
11. *Новой Рашелью* называет Голенищев *итальянскую актрису-декламатора*.
12. *Подвязанным чиновником* называет Сережа *просителя*.
13. *Поднятыми воротниками* называет Бетси Тверская *петербургское высшее общество*.
14. *Кутиком* Анна называет *сына*.
15. *Гретхен* называет Степан Аркадьевич молодую *крестьянку*.
16. *Катькой в Пажеском корпусе* прозвали товарищи *Маслова*.
17. *Шлюпиками в Английском клубе* называли *стариков – ветеранов клуба*.

18. *Кларами* Вронский и люди его круга называли *дам полусвета*.

Такие прозвища, как Пьер (друг и однополчанин Вронского Петрицкий), Грицко (полковой командир Демин), Катька (кавалергард Маслов), позволяют Толстому охарактеризовать отношения между персонажами, показать степень неформальности в общении людей близких друг другу: употребление этих имён, непонятных непосвящённым, идентифицирует людей одного круга, что было немаловажно в условиях сословно-дифференцированного светского общества дореволюционной России.

Кутик (Сереза Каренин), *tiny bear (Куту в детстве)* – этими ласковыми прозвищами чаще называют именно детей в семейном окружении, что отражает традицию русской речевой культуры.

Прозвище петербургской светской дамы княгини Мягкой – *enfant terrible* (ужасный ребёнок, сорванец, фр.) или прозвище «сердитый помещик», данное Левиным одному из соседей по имени Свяжского, имеет поведенческую характеристику и не более того. Но иногда это становится поводом для авторских замечаний: «Самоваром он (Каренин) называл знаменитую графиню *Лидию Ивановну* за то, что она всегда и обо всём волновалась и горячилась», а иногда мотивация превращается в подробный рассказ. Так, старый князь Щербацкий объясняет Левину значение ироничного прозвища старых членов Английского клуба: «...думаешь они как родились шлюпиками?.. Ты вот и не знаешь этого названия. Это наш клубный термин. Знаешь, как яйца катают, так, когда много катают, то делается шлюпик. Так и ты брат: ездись-ездись в клуб и сделаешься шлюпиком».

Мотивационная основа других прозвищ должна быть понятна читателю. Они имеют богатую гамму оттенков от интимно ласковых (*Грицко, Кутик, Катька*), до презрительно-уничижительных (*злая машина, глупая говядина*). Все они позволяют охарактеризовать персонаж через отношение к нему окружающих. Достаточно активно бытуют прозвища, образованные от личных имен, которые, однако, подвергаются трансформации, в основном, структурной, при этом дополнительные элементы, появляющиеся при преобразовании, несут в себе характеристику носителя (Грицко).

Эти примеры хорошо иллюстрируют высказывание Т.Т. Денисовой: «Семантика прозвищных наименований всегда хорошо "читаема", понятна окружающим – ведь прозвища для того и даются, чтобы обозначить и социально закрепить реально существующие качества, особенности человека, сделать их своеобразными метками» [5, с. 7].

Особый интерес представляет использование Толстым прозвищ для социальной характеристики социальных групп людей или их конкретных представителей. Так, *Кларами* Вронский и его друзья из числа золотой петербургской молодежи несколько пренебрежительно называют *дам полусвета*, потому что в большинстве своем это были иностранки, а имя *Клара* – типичное имя европейских женщин.

«*Машиной*», «*министерской машиной*» неоднократно называют *А.А. Каренина*, а Анна уточняет: «...и злой, когда рассердится». В этом прозвище очень точно выражено отношение Толстого к петербургскому сановнику, чья жизнь целиком погружена в интересы службы и в котором так мало осталось человеческих качеств. Но в ещё большей степени прозвище «глупая говядина» даёт возможность автору охарактеризовать не только его носителя (иностранного принца), но и прежде всего персонажа, который придумал его, – Вронского. С непревзойдённым мастерством проникновения в душу своего героя, Толстой объясняет, чем вызвано такое отношение Вронского к иностранному гостю, которого он вынужден сопровождать по долгу службы – Вронский видел в иностранном принце, глупом, самоуверенном человеке, самого себя, «и это не льстило его самолюбию». Не менее психологически точно и метафорически ярко характеризует чопорное, насквозь фальшивое

высшее петербургское общество княгиня Тверская, говоря Вронскому, что «поднятые воротники» не примут Анну в свой круг, «будут бить их холодом». Прозвища в романе выступают как стилистически маркированные средства экспрессии. Использует их Л.Н. Толстой с присущим ему тонким изяществом и непревзойдённым мастерством психологического анализа персонажей.

Великий мастер слова использует стилистический потенциал прозвищ как культурно нагруженных знаков. В данном случае мы имеем в виду аллюзивное использование этих литературных онимов. Интертекстуальное использование аллюзивных антропонимов – интересный стилистический приём, позволяющий автору апеллировать к феноменам мировой и отечественной культуры и тем самым расширять культурный фон романа.

Имя Гретхен, которым Степан Аркадьевич называет молодую крестьянку, естественно звучит в устах образованного человека второй половины XIX века, знакомого с произведениями немецких писателей, прежде всего, с «Фаустом» Гёте. А именование Стивой своего друга Левина Самсоном, когда речь заходит о его физической силе, также свидетельствует о том, что знакомство с прецедентными именами-символами из библейских источников – естественно для людей того времени. Также органично вписывается в речь Голенищева, путешествующего за границей, ощущающего себя частью европейской культуры, использование имени Рашель – великой трагической актрисы, когда речь заходит о входящей в моду новой актрисе-декламаторе. Это только подчёркивает тот факт, что Толстой, работая над романом, стремился стилистически точно использовать все языковые ресурсы, в том числе и онимы, создавая неповторимую атмосферу, в которой происходит действие, максимально точно воспроизводя культурные реалии времени.

Прозвища в функции наименования подобно фамилиям служат общей задаче реалистического изображения людей и их взаимоотношений. Как и фамилии и личные имена, они информативны, т.е. выполняют функцию идентификации персонажей. Но в отличие от фамилий и личных имён они экспрессивны, так как практически всегда так или иначе характеризуют либо самого носителя прозвища, либо отношение к нему других персонажей.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» / М. М. Бахтин // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 134–165.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. О художественной прозе / В. В. Виноградов // О языке художественной прозы. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
3. Горлова Г. Н. О некоторых стилистических функциях личных имен в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» / Г. Н. Горлова // Риторика и культура общения в общественном и образовательном пространстве : мат-лы XIII Междунар. Науч.-практ. конф. (21–23 января 2009 г.) / под ред. В.И. Аннушкина. – М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2009. – С. 130–135.
4. Горлова Г. Н. Ономастическая лексика как текстообразующая категория в произведениях художественной словесности / Г. Н. Горлова // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2. – С. 21–25.
5. Денисова Т. Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале Шумяцкого и Ершицкого районов Смоленской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Т. Денисова. – Смоленск, 2007.
6. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы / Ю. Тынянов. – Л., 1929. – С. 27.
7. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фоякова. – Ленинград, 1990. – 104 с.

References

1. Bahtin M. M. Dopolneniya i izmeneniya k «Rable» // Voprosyi filosofii, 1992, № 1, pp. 134–165.

2. Vinogradov V. V. Izbrannyye trudyi. O hudozhestvennoy proze // O yazyike hudozhestvennoy prozyi. M. : Nauka, 1980. 360 p.
3. Gorlova G. N. O nekotorykh stilisticheskikh funktsiyah lichnykh imen v romane L.N. Tolstogo «Anna Karenina» / ed. V.I. Annushkin. M.: State IRL after A.S. Pushkin, 2009, pp. 130–135.
4. Gorlova G. N. Onomasticheskaya leksika kak tekstoobrazuyuschaya kategoriya v proizvedeniyah hudozhestvennoy slovesnosti // Gumanitarnyye issledovaniya, 2017. № 2, pp. 21-25.
5. Denisova T. T. Prozvischa kak vid antroponimov i ih funktsionirovanie v sovremennoy rechevoy kommunikatsii (na materiale Shumyachskogo i Ershicheskogo rayonov Smolenskoy oblasti). Smolensk, 2007.
6. Tyinyanov Yu. Arhaisty i novatoryi. L., 1929, p. 27.
7. Fonyakova O. I. Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste. Leningrad, 1990. 104 p.